

Глава 13

Скрытое на виду

Ли Цинвэнь случайно заметил, что кисти Ли Цинчжо покраснели и припухли. Он поспешно перехватил тяжелый узелок из рук брата.

— Второй брат, что с твоими руками?

Цинчжо попытался было прикрыть ладони широкими рукавами, но Ли Цинвэнь уже крепко держал его за локоть.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить его тот. — Случайно укололся о сухие травы. Наставник уже осмотрел раны, в этом нет ничего серьезного.

Ли Маосянь, нахмурившись, осмотрел поврежденные места на руках сына.

— И когда это случилось?

— Несколько дней назад.

Лицо отца мгновенно потемнело.

— Вчера ты передал лекарство для матери и, получается, только тогда закончил переписывать книги, чтобы выручить деньги... — в его голосе слышался горький укор. — Руки ранены, а ты всё о работе печешься! Неужто совсем себя не жалеешь?

Не смея лгать отцу, Ли Цинчжо виновато склонил голову.

— Прости меня, батюшка.

Маосянь чувствовал скорее горечь, чем гнев: сын ведь старался ради родного человека.

— Знаю я, что ты из сыновней почтительности старался, — вздохнул он. — Но больше так не делай. Узнает мать — испереживается вся, сна лишится. Теперь в доме дела на лад пошли, не нужно тебе больше так надрываться. Поправляйся поскорее.

Зная, как второй брат любит чистоту, Ли Цинвэнь наказал ему самому бельё не стирать: либо пусть передает грязное домой с оказией, либо копит до лучших времен.

Ли Цинчжо не хотел обременять близких лишними хлопотами, но, видя, что отец еще не до конца остыл, послушно вернулся во двор при аптеке и вынес одежду, которую как раз собирался замочить.

Едва они обменялись парой фраз, как в лавку вошел посетитель. Ли Маосянь тут же велел сыну возвращаться к делам.

Покинув «Зал Возвращения Весны», они направились в лавку, о которой упоминал коробейник Цю. На месте выяснилось, что узорчатые леденцы и леденцы «Панда» уже раскупили без остатка.

Лавка была небольшой и стояла в стороне от людных улиц. Обычно сладости здесь держали в закрытых коробочках, но местный хозяин проявил недюжинную смекалку: он нанизал конфеты на тонкие бечевки. Ряд леденцов в форме иероглифа выглядел изысканно и мило, а череда панд, прижавшихся друг к другу, и вовсе притягивала взгляд любого прохожего. Эти связки он выставил на самое видное место как приманку для покупателей.

— Детишкам эти сладости полюбились чрезвычайно, за два дня всё смели, — развел руками лавочник. — Сейчас запасов нет, не желаете ли взглянуть на что-нибудь другое?..

Убедившись, что товар расходуется хорошо, Ли Маосянь с сыновьями вежливо отказались и направились в мучную лавку за пшеницей, черным кунжутом и клейким рисом.

В прошлый раз после целой ночи трудов они получили более семидесяти цзиней солодового сахара и десятков цзиней узорчатых леденцов и леденцов «Панда». Обычный сахар обменяли на двести с лишним цзиней сорго и проса, а за эти сладости выручили больше трехсот медных монет. Выгода от них была очевидна, поэтому в этот раз они решили сделать их побольше.

Для крестьянской семьи триста монет — сумма немалая, но стоило выйти из лавки, как в кошельке осталось лишь несколько десятков грошей. Несколько лет назад на юге случилось наводнение, и цены на зерно взлетели до небес. Если раньше доу риса стоила от десяти до двадцати монет, то теперь цена удвоилась, что пугало своей дороговизной.

Впрочем, крестьян высокие цены радовали мало: в урожайные годы зерно дешевело, а в лихолетье того, что росло на полях, едва хватало самим — на продажу выносить было нечего.

Закупив провизию, они двинулись в обратный путь. У дороги стоял длинный ряд корзин с грушами и боярышником. Плоды были мелкими — не то собранные в лесу, не то из чьего-то сада.

Ли Цинвэнь внезапно остановился, не сводя глаз с алых ягод боярышника.

— Малыш, неужто съесть хочешь? — спросил Ли Цинхун.

Маосянь и матушка Чэнь привыкли к строгой экономии и редко баловали детей лакомствами. Лишь для Цинвэня всегда делалось исключение. Отец остановился и спросил у стоящей рядом женщины цену. Даже если бы Малыш не придумал, как варить сахар, он всё равно купил бы ему ягод.

Узнав, что плоды стоят сущие гроши, Цинвэнь воскликнул:

— Батюшка, давай заберем весь этот боярышник!

Третий брат, у которого от одного вида ягод свело челюсти, оторопело потянул его за руку:

— Да ты что, они же только с виду красивые! Кислятина такая, что зубы вмиг заломит!

Ли Цинвэнь сам почувствовал, как во рту невольно скопилась слюна. Проглотив её, он ответил:

— Я не для еды, я хочу кое-что другое из них приготовить.

Дикий боярышник был мелким и нещадно кислым, так что покупали его редко. За несколько десятков цзиней просили всего десять медных монет. Ли Маосянь выкупил всё подчистую. Женщина была несказанно рада: сын собрал ягоды в горах, и она боялась, что они попросту не продадутся.

Накануне они привезли домой целый мешок зерна, и теперь семье не грозил голод. С самого утра братец Цинму не давал покоя матушке Чэнь, выпрашивая, чем может помочь.

Пшеницу еще не привезли, солод не пророс, так что варить сахар было рано. Чтобы парень не терзался бездельем, госпожа Чэнь отправила его в лес за дровами: на варку сахара уходило много топлива, и запас точно не был бы лишним.

Когда Ли Цинму вернулся с вязанкой хвороста, Маосянь с сыновьями как раз добрались до дома. Сбросив ношу, Цинму вместе с отцом тут же отправились на мельницу.

В деревне было несколько мельничных жерновов, но оживленнее всего было у Ли Бэньцяна, на передней улице. Место там было просторным, с двумя каменными катками: большим для сорго и малым для проса. Деревенская ребятня обожала здесь играть, а когда кто-то приходил молотить зерно, соседи невольно подтягивались — поболтать и подсобить в деле.

Обычно Ли Цинфэн не жаловал шумную толпу детей, от которой только голова болела, но сегодня он сам вызвался помочь и даже позвал с собой Ли Цинвэня.

Братья с пустыми мешками плелись следом за отцом. Придя на место, Ли Цинфэн первым делом заглянул на поле перед двором. Заметив, что листья сорго совсем подсыхли, он отметил, что скоро пора начинать жатву.

«Всё еще грезит о сладком сорго...» — Ли Цинвэнь поразился упорству своего четвертого брата.

Не только Цинфэн, но и другие деревенские мальчишки наперебой донимали шестого дедушку вопросами: когда же можно будет полакомиться?

Ли Бэньцян был стариком в высшей степени добродушным. Гвалт ребятни его ничуть не раздражал. Он внимательно осмотрел метелки сорго, выбрал несколько почти созревших стеблей, срубил их и, отломив верхушки, раздал каждому ребенку по тростинке. Досталось и Цинвэню.

Мальчишки привычно ободрали листья и принялись грызть стебли, жадно высасывая сок. Счастливые возгласы отовсюду славили сладость плодов. Когда вкус заканчивался, остатки волокон просто выплевывали.

Ли Цинвэнь смотрел на это, и у него заранее заныли десны. В его прошлой жизни неподалеку от городка тоже сажали кукурузу, и её стебли тоже были сладкими. Тогда, поддавшись любопытству, он с друзьями втихомолку лакомился ими, но в итоге расцарапал всё небо до крови и несколько дней выслушивал нагоняй от бабушки.

Однако, видя, с каким аппетитом грызут стебли остальные, он не удержался. Очистив зеленую тростинку, Малыш осторожно откусил кусочек. К его удивлению, стебель оказался по-настоящему сладким.

Это сорго было куда слаще кукурузы! Неудивительно, что дети так ждали урожая.

Ли Цинфэн управился быстро и уже косился на поле. Ли Цинвэнь невольно усмехнулся и отдал свою тростинку брату. Тот церемониться не стал.

— Сахар сахару рознь, — проговорил Четвертый брат между укусами. — А эти стебли жевать — одно удовольствие.

Деревенские мальчишки тут же принялись его дразнить:

— Такой большой, а всё сладости кланчит! Стыд и позор!

Цинфэн лишь бровью повел:

— Кому кожа спины мешает — шаг вперед.

Вся ребятня знала крутой нрав четвертого брата, поэтому вмиг разбежалась.

Ли Цинвэнь же подумал, что брат прав. Состав сахара в солоде и в соке сорго и впрямь различается...

— Сладко-то сладко, да есть неудобно, — заметил Малыш. — Вот если бы сок выжать да выпарить из него сахар, было бы куда лучше.

Ли Цинфэн резко обернулся.

— Малыш, неужто из стеблей сорго тоже можно сахар варить?

— Конечно можно. Как из сахарного тростника: выжимаешь сок и варишь на огне. Это даже проще, чем с солодом возиться, — Цинвэнь не понимал, отчего брат так воодушевился.

Забыв про дразнилок, Четвертый брат вытаращил глаза:

— Так давай наварим сахара из этих стеблей! Зерно сбережем!

Его слова пронзили разум Ли Цинвэня подобно вспышке молнии, разогнав густые тучи сомнений.

«Как я мог забыть о столь простом способе? — укорял он себя. — Ведь читал же об изготовлении сиропа из сорго в прошлой жизни, но напрочь выбросил это из головы»

И впрямь — под лампой всегда темнее всего!

Ли Цинфэн, подобно вихрю, сорвался с места и принялся кружить вокруг шестого дедушки, выпрашивая у него все стебли с этого полуму поля.

Старик лишь добродушно посмеивался:

— Неужто ты и впрямь столько сгрызешь? Раз так любишь, шестой дедушка всё тебе оставит.

Тем временем Ли Маосянь и братец Цинму мололи зерно. Соседи, видя такое обилие припасов, смекнули, что дела с сахаром идут в гору, и принялись расспрашивать отца, где он научился этому ремеслу.

В деревне и так шептались о внезапном выздоровлении Малыша, и Ли Маосянь, не желая привлекать лишнего внимания к сыну, заранее строго-настрого наказал домашним говорить, что способу их научил старый друг.

Услышав это, односельчане невольно задышали от зависти. Все знали, что Маосянь в молодости немало постранствовал и завел полезные знакомства. Несколько лет назад, когда нагрянул голод и многие пошли по миру, друг прислал ему зерно из далеких краев — эта история казалась удивительнее сказок.

Когда работа подходила к концу, выяснилось, что мешков не хватает. Отец окликнул сына, и Ли Цинвэнь тут же подбежал, чтобы придержать горловину, пока Цинму сметал зерно с жерновов.

Стоило Малышу появиться, как взгляды всех собравшихся обратились к нему.

— Малыш, а где твой четвертый брат? — спросил Маосянь.

Едва он договорил, как примчался Цинфэн. Несмотря на прохладу, он весь взмок от бега. Глаза его сияли восторгом.

— Батюшка! — выпалил он на одном дыхании. — Шестой дедушка обещал отдать мне все стебли сладкого сорго! Через пару дней можно будет собирать!

— Что за озорство? — нахмурился отец, решив, что сын просто потакает своей жадности. — Стебли нужны на растопку. Если ты их сгрызешь, твоему шестому дедушке зимой мерзнуть придется?

— Батюшка, да я не для еды... То есть не совсем для еды... Малыш... — Ли Цинфэн от избытка чувств не мог связать и двух слов. Наконец он топнул ногой и выкрикнул: — Малыш говорит, что из этого можно сделать сахар!

При этих словах опешил не только Ли Маосянь, но и все стоящие у мельницы крестьяне. Что? Стебли-то сладкие, это верно, но как из них сахар-то получить?!

<http://bllate.org/book/15828/1429059>